АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Книга четвёртая цикла «Парень из сада»

Александр Ладогин

Право на возвращение

«Автор»
2026

Ладогин А.

Право на возвращение / А. Ладогин — «Автор», 2026

«Право на возвращение» — четвёртая книга цикла «Парень из сада»1953 год. Страна вступает в новую эпоху, но перемены наверху ещё не означают перемен в самой системе.После трагических событий прошлого Андрей Коржев остаётся один на один с будущим, которое знает слишком хорошо. Теперь ему предстоит найти собственное место среди людей, принимающих решения государственного масштаба.Исчезнувшие документы, опасные поручения, закрытые кабинеты Кремля и первые шаги к освоению целины постепенно открывают Андрею неприятную истину: за красивыми отчётами и грандиозными планами нередко скрываются чужие судьбы.Он ещё верит, что знание будущего позволит избежать ошибок прошлого. Но что делать, если правда оказывается неудобной тем, от кого зависит судьба страны?«Право на возвращение» — роман о власти и совести, ответственности и выборе. О человеке, который получил шанс изменить историю, но рискует потерять самого себя.

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Восемь утра 5
Глава вторая. Человек со Старой площади 14
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Александр Ладогин
Право на возвращение

Глава первая. Восемь утра

I

Москва. 14 сентября 1953 года.

Часы шли неровно. Андрей заметил это ещё ночью, когда лежал с открытыми глазами и слушал, как в соседней комнате хозяйка ворочается на скрипучей кровати. Один удар был сухим и отчётливым, следующий запаздывал, словно механизм всякий раз передумывал продолжать. К утру отставание составило четыре минуты. Мелочь, которую можно было бы не заметить, если бы он не просыпался каждый час.

Он положил их на подоконник рядом с карманным зеркальцем и записал отставание на клочке бумаги. В другой жизни он сверился бы с телефоном и через секунду забыл об этом. Здесь приходилось ждать радиосигнала или сверяться с вокзальным циферблатом. Андрей поставил рядом с цифрой дату, сложил листок вдвое и оставил под зеркальцем.

В шесть хозяйка затопила печь. Андрей услышал, как она постучала кочергой, как зашуршала газета, как загудело пламя. Он встал, умылся над тазом холодной водой и вытерся полотенцем, которое за лето сделалось тонким посередине. Из окна был виден мокрый сад. Ночью прошёл дождь; листья лип лежали на дорожке, прилипшие к земле, и только один, жёлтый, держался на паутине между ветками. Ветер раскачивал его, но паутина держала.

К восьми за ним пришлют машину. Вчера он услышал в этом приглашение. Ночью передумал: слишком мало оставалось возможностей отказаться, если водитель уже знает адрес.

Вчера Рябов не назвал ни фамилии, ни должности человека, который желал его видеть. Сказал только: тот, кто принимал старика ночью на Старой площади, знает, что старик умер. И хочет говорить с наследником. Андрей оставил слово без ответа. Наследуют имущество, долги,

чужие обещания. Что досталось ему, ещё предстояло узнать. Уточнять при Рябове значило признать, что ему и впрямь есть что наследовать.

Он достал из комода омскую тетрадь. Задняя обложка была пробита пулей; слипшиеся страницы образовали плотную неровную пластинку, которую невозможно было развернуть, не разрушив. На первой странице два почерка стояли рядом, словно два человека успели перебросить последними словами и разошлись.

«Пока».

«Узнал».

Он не стал перечитывать остальное. Завернул тетрадь в чистую тряпицу и спрятал под нижнюю доску ящика со старыми журналами. Часы убрал во внутренний карман. Оставить их дома он не решился: всё равно целый день прислушивался бы к отсутствующему тиканью.

За завтраком хозяйка поставила перед ним блюдце с двумя ломтями хлеба и варёным яйцом. Ей было за шестьдесят, она называла его Андреем Сергеевичем и никогда не спрашивала, откуда он приехал. Её сын погиб под Ленинградом, фотография в гимнастёрке стояла за стеклом буфета. Иногда Андрей ловил на себе её взгляд – не материнский даже, а проверяющий: цел ли, не простужен ли, не слишком ли худ.

— Вы сегодня рано, – сказала она.

— Дела в городе.

— Дождь обещали опять. Возьмите плащ.

Андрей снял плащ с крючка. Пока он застёгивал ворот, хозяйка завернула что-то в бумагу и протянула ему.

— На дорогу. Пирожок с картошкой.

— Я ведь ненадолго.

— Так и сын говорил.

Она сказала это без укоризны. Андрей взял свёрток. На дверце буфета снова съехала латунная петля; он уже дважды обещал её поправить. Можно было бы снять плащ, достать отвёртку и остаться до обеда. Но за окном послышался мотор, и хозяйка первой повернула голову к воротам.

У ворот парка он был без десяти восемь. Дождя не было. По дороге проехал грузовик с пустыми деревянными ящиками, за ним велосипедист в кепке. Андрей постоял у афишной тумбы, где под свежим объявлением о концерте торчал угол старой бумаги. В кармане тикали часы. Он сверился с уличным циферблатом: четыре минуты разницы. Не больше.

Ровно в восемь к тротуару подошла чёрная машина. Не новая, с потёртой краской у ручки задней дверцы. Водитель остался за рулём. С переднего сиденья вышел мужчина в сером пальто, хотя утро было тёплым. Лет сорок, лицо узкое, волосы зачёсаны назад. Он не оглядывался, но Андрей сразу заметил, что мужчина увидел и велосипедиста, и дворника на другой стороне улицы.

— Андрей Сергеевич?

— Кто спрашивает?

— Меня просили вас доставить.

— Куда?

— Это объяснят на месте.

— Тогда я подожду, пока вам разрешат объяснить здесь.

Мужчина посмотрел на него чуть внимательнее. Не рассердился. Раздражённого сопровождающего было бы проще понять.

— Полковник Рябов передал, что вы согласились.

— Полковник передал, что машина будет в восемь. Согласие я никому не передавал.

Мужчина сунул руку во внутренний карман, и Андрей почувствовал, как напряглись плечи. Но тот достал только сложенный вчетверо листок. На бумаге не было печати. Несколько

слов были написаны крупно, с нажимом: «Человек, который был у меня ночью, назвался Матвеевым. Если придёт другой, сначала спросите о часах».

Андрей не взял листок. Почерк он узнал по последнему слову: «часах» растянулось почти до самого края, как в записке, которую показывал Бережной. Но сходство почерка ещё не доказывало подлинности послания.

— Что с часами? – спросил он.

— Этого мне не сообщили.

— Хорошо. Поедем.

Мужчина сложил листок. На лице у него впервые появилась настоящая эмоция: облегчение, короткое и сразу спрятанное. Он открыл заднюю дверцу. Андрей сел, держа бумажный свёрток с пирожком в руке. Мужчина устроился рядом, не впереди. Машина тронулась.

II

Москва за окном была занята своими делами. Люди торопились к трамваям, женщина в синем платке вела двух школьников за руки, у булочной разгружали мешки. Утренний город вёл себя так, будто самое страшное осталось позади. Война закончилась восемь лет назад, Сталин умер полгода назад, вчера по радио объявили нового Первого секретаря. Люди шли на работу, покупали хлеб, ругались из-за очереди. За закрытыми дверями принимали решения, о которых эти люди могли узнать через неделю – или никогда.

Андрей старался не смотреть на сопровождающего слишком часто. Встречные улицы он узнавал, хотя ездил по Москве мало. Машина двигалась в сторону центра, затем замедлилась в потоке у перекрёстка. Водитель ни разу не спросил дороги.

— Вы служите у Рябова? – спросил Андрей.

— Нет.

— У Бережного?

— Нет.

— Тогда у кого?

— Сегодня я сопровождаю вас.

— Удобная должность. Можно не отвечать ни на один вопрос.

Мужчина не улыбнулся.

— У меня есть инструкция. В ней три пункта. Забрать вас, доставить, не разговаривать о деле.

— А если бы я не сел?

— Доложил бы, что вы отказались.

— И всё?

— Остального в инструкции нет.

Это прозвучало достаточно правдоподобно. Андрей отвернулся к окну. Сопровождающий не пытался казаться другом и не демонстрировал власть. Он был человеком, которому поручили ограниченный участок работы. Такие люди в системе были опасны не сами по себе, а потому, что каждый знал только свой участок.

На одном из поворотов Андрей заметил, что они не едут прямо к зданию на Старой площади. Машина прошла ещё два квартала и остановилась у неприметного подъезда, где не было ни таблички, ни часового. Только дворник с метлой стоял у водосточной трубы и делал вид, что внимательно изучает лужу.

Сопровождающий первым вышел на тротуар.

— Пожалуйста.

Внутри пахло мокрой штукатуркой и мебельной политурой. На лестнице лежала дорожка, закреплённая металлическими прутьями. На втором этаже их встретила женщина в тёмном платье, спросила фамилию и заглянула в небольшой список. Ни паспорта, ни пропуска

она не потребовала. Либо здесь заранее знали, кого ждут, либо правила действовали не для всех. Андрей не стал выбирать более приятное объяснение.

Его провели в комнату ожидания. Стол, два стула, графин воды под перевёрнутым стаканом, на стене календарь с изображением уборки урожая. Окно выходило во двор. Через открытую форточку доносился стук молотка.

— Подождите, – сказал сопровождающий и ушёл.

Андрей сел так, чтобы видеть дверь. На столе лежала вчерашняя «Правда». Он развернул её, но не стал читать. Под заголовками о сельском хозяйстве ему мерещились другие строки: арест, измена, показания. Он уже однажды вошёл в государственное учреждение человеком, который знает слишком много, и тогда всё зависело от того, поверят ли ему. Теперь он боялся другого: что ему поверят слишком охотно.

Дверь открылась без стука. Вошёл человек лет пятидесяти, невысокий, в тёмном костюме, с чуть припухшими веками и тяжёлой походкой. Он нёс тонкую папку без надписи. За ним появился другой, моложе, с блокнотом, но первый остановил его жестом.

— Пока не надо. Подождите снаружи.

Молодой человек вышел. Дверь закрылась.

— Коржев Андрей Сергеевич? – спросил вошедший.

— Да.

— Садитесь. Вы уже сидели – так и продолжайте. Я не люблю, когда ради меня встают без нужды.

Он положил папку на стол и сам сел напротив. Несколько секунд рассматривал Андрея без враждебности, но с такой сосредоточенностью, словно пытался вспомнить, где видел его прежде.

— В июле здесь был один старик, – сказал он наконец. – Представился Иваном Петровичем Матвеевым. Документов почти не имел. С ним говорили ночью. Вы его знали?

— Знал.

— Насколько близко?

Андрей посмотрел на папку. Она была тонкая, без завязок, с загнутым уголком. Он вдруг вспомнил, как в 1944 году следователь постукивал пальцем по папке, в которой лежало всё, что могло погубить его жизнь. Сейчас никто даже не прикасался к папке. От этого легче не становилось.

— Достаточно, чтобы прийти сюда, – ответил он.

Человек кивнул. Ему явно не понравилась уклончивость, но он принял её как условие разговора.

— Я не буду спрашивать, кем он вам приходился. Это может подождать. Меня интересует другое: он рассказывал вам, зачем приехал в Москву?

— Чтобы не допустить одного решения.

— Какого?

— Я не знаю, что именно он сообщил вам.

— Мне? – Собеседник впервые улыбнулся. – Вы быстро определили, что я присутствовал при разговоре.

— Вы не сказали, что слышали о нём. Вы сказали: «С ним говорили ночью». И сейчас спрашиваете так, будто хотите сравнить два рассказа.

Улыбка исчезла, но взгляд стал живее.

— Хорошо. Значит, старик не ошибся в одном.

— В чём?

— Сказал, что после него может прийти молодой человек, который не станет рассказывать всё первому встречному.

Андрей почувствовал неприятный холод под рёбрами. Старик говорил о нём заранее. Не просто надеялся, что кто-то продолжит дело, а рассчитывал на эту встречу.

— Назовите себя, – сказал Андрей.

Человек помедлил.

— Вы имеете право знать, кто перед вами. Но прежде я хочу понять, чего вы хотите сами.

— Жить.

— Все хотят.

— Не все успевают.

Собеседник опустил взгляд на папку. Андрей заметил, что пальцы у него крупные, с коротко подстриженными ногтями; на указательном пальце чернильное пятно. Человек привык читать и подписывать бумаги сам. Или хотел, чтобы так думали.

— Ваш старик, – сказал он, – пришёл с предложением, которое нельзя было ни принять, ни отвергнуть без проверки. Проверка дала результат. Не полный, но достаточный, чтобы его не забыли. Теперь его нет. Остался вопрос: можно ли доверять тому, кто пришёл после него?

— Если хотите доверять, не начинайте с ловушки.

— А если не начну, как узнаю?

— Никак. Придётся рискнуть.

Они помолчали. За окном снова ударил молоток, три раза подряд. Человек отодвинул папку на ладонь от себя.

— Справедливо. Тогда начнём с того, что я знаю. В ночь после ареста Берии к Никите Сергеевичу Хрущёву пришёл неизвестный старик. Говорили без стенографиста. Я присутствовал не при всём разговоре. Потом старик ушёл. Через несколько дней его убили. Всё правильно?

Андрей положил ладонь на край стола. До этой минуты он допускал, что перед ним чиновник, которому пересказали историю. Теперь прозвучало имя человека, к которому действительно ходил старик. Не было ни удивления, ни облегчения. Только новая степень опасности.

— Правильно настолько, насколько я могу подтвердить, – сказал он.

— Вот и я могу подтвердить не всё. – Собеседник наконец представился. – Николай Павлович. Фамилию пока оставим для следующего разговора. Я работаю в аппарате Центрального Комитета. Это не секрет, но сегодня вам от моей фамилии пользы не будет.

— Мне от неё будет возможность проверить вас.

— Проверите. Через полковника Рябова. Я не против.

Это была первая уступка. Андрей решил не тратить её сразу.

III

Николай Павлович открыл папку. Внутри лежали три листа. На первом – машинописный текст, на втором – несколько рукописных строк, третий был чистым. Чистый лист Андрей заметил прежде остальных. В учреждениях такие листы редко кладут без причины.

— Ваш знакомый не просил денег, должности, квартиры, – сказал Николай Павлович. – Не требовал освободить заключённого или наказать врага. Он хотел, чтобы одно решение было принято вовремя. Это странно для человека, который, по словам полковника, едва держался на ногах.

— Он считал, что времени у него нет.

— Времени нет ни у кого. Разница только в том, кто это понимает.

Андрей узнал интонацию старика в собственном молчании. Он не собирался подсказывать собеседнику, что именно тот должен сказать дальше.

— Никита Сергеевич сейчас занят другими вопросами, – продолжил Николай Павлович. – Вы слышали вчера сообщение о Пленуме?

— Слышал.

— Значит, понимаете, что разговор у нас происходит в неудобное время.

— Для кого?

— Для человека, который хочет быть уверен, что решение принадлежит ему, а не тому, кто приносит бумагу.

Николай Павлович произнёс это осторожно. Сентябрьское голосование осталось позади; теперь в его голосе слышалась другая забота – что сделают с властью те, кому она досталась.

— В стариковых сведениях были даты, – сказал Николай Павлович. – Не только прошедшие. Он назвал несколько событий, которые, по его словам, ещё случатся. Одно уже подтвердилось. Второе мы проверяем. Третье относится к будущему году.

— Вы хотите, чтобы я подтвердил его слова.

— Нет. Подтверждение мне ничего не даст. Мне нужно понять, что делать, если он был прав.

Вот теперь разговор стал настоящим. До этого Николай Павлович проверял человека. Сейчас проверял собственную способность воспользоваться тем, что услышал.

— Если он был прав, – сказал Андрей, – первым делом перестаньте считать его сведения приказом к действию.

— Объясните.

— Дата может быть точной. Причина – нет. Он знал один ход событий. Но уже вмешался в него. Значит, некоторые его даты могли устареть в ту минуту, когда он вышел из кабинета.

Николай Павлович долго смотрел на него.

— Вы хотите сказать, что сведения могут измениться от того, что ими воспользовались?

— Именно.

— Тогда чего они стоят?

— Столько же, сколько прогноз погоды, если по нему решили построить плотину. Прогноз может быть хорошим. Но плотину всё равно надо рассчитывать.

— Вы учились на инженера?

— Нет.

— Заметно. – Николай Павлович впервые засмеялся, коротко и негромко. – Инженер бы меня сейчас замучил цифрами.

Андрей улыбнулся против воли. Разговор внезапно стал похож на обычный спор взрослых людей, и от этого опасность не исчезла, а сделалась более ощутимой. Удобнее всего ошибаются тогда, когда перестают замечать, с кем разговаривают.

— Мне нужен человек, – сказал Николай Павлович, – который умеет отличать предупреждение от приказа. И который не станет бегать с каждым предсказанием к начальству. Вы можете быть таким человеком?

— Зависит от того, что вы собираетесь поручить.

Николай Павлович перевернул первый лист. На обороте была напечатана таблица с тремя графами: дата, сообщение, источник. Андрей успел увидеть две строки, прежде чем собеседник положил на лист ладонь. Одна дата относилась к октябрю 1953 года. Вторая – к весне 1954-го. Содержания он не разобрал.

— Пока ничего, – сказал Николай Павлович. – Сначала проверка. Не вашей памяти. Вашей осторожности.

— В чём она заключается?

— Мы дадим вам несколько материалов. Они относятся к промышленному вопросу, который сейчас обсуждают в разных ведомствах. Вы прочтёте и напишете, какие решения кажутся вам опасными. Без ссылок на будущее. Только то, что можете доказать по документам.

— А если в документах нет главного?

— Тогда так и напишете.

— Кто будет читать?

— Сначала я.

— Потом?

— Посмотрим.

Андрей вспомнил Бережного. Тот всегда говорил, что у любой бумаги есть две жизни: одна – когда её пишут, другая – когда она попадает к человеку, которого автор не предполагал. Старик знал это ещё лучше. Его дневники теперь лежали в 2026 году – если тот год вообще существовал в прежнем виде.

— У меня условие, – сказал Андрей.

— Слушаю.

— Никаких действий в отношении людей, с которыми я связан, без моего ведома. И никакого использования их как средства давления.

— Вы ставите условия Центральному Комитету?

— Нет. Человеку, который просит меня работать.

Николай Павлович выслушал его, не меняя выражения лица. Затем вынул из папки чистый лист, положил перед Андреем и подвинул карандаш.

— Запишите. Своими словами. Я не обещаю невозможного. Но могу обещать, что прочту лично и не передам дальше без разговора с вами.

Андрей посмотрел на лист. На нём не было ни штампа, ни даты. Обещание, записанное таким образом, почти ничего не стоило. Но отказ от него стоил ещё меньше. Он написал три короткие строки, указал дату и поставил подпись: «А. С. Коржев».

Николай Павлович прочёл, сложил лист пополам и убрал отдельно от папки.

— Теперь моё условие. Вы не рассказываете никому о том, что здесь услышали. Даже полковнику Бережному. Если вам понадобится его помощь, сначала скажете мне.

— Не могу согласиться.

— Почему?

— Потому что он уже отвечал за мою жизнь. И один раз не смог уберечь человека, который мне дорог. Если я теперь начну скрывать от него угрозу, это будет не осторожность, а предательство.

Николай Павлович потёр переносицу. На мгновение в нём проступила усталость человека, которому с утра приходится решать слишком много чужих вопросов.

— Бережной вам доверяет?

— Думаю, да.

— А вы ему?

— Да.

— Тогда будем считать его исключением. Но только его.

Андрей кивнул. Он получил больше, чем ожидал. Или ему позволили думать, что получил.

IV

Когда разговор, казалось, закончился, Николай Павлович закрыл папку и неожиданно спросил:

— Вы верите, что человек может знать собственную смерть?

Андрей не сразу нашёл ответ. Перед глазами возникла арка, июльское солнце, старик в чужом фартуке, который успел сделать один шаг навстречу пуле. Старик знал о многом. Но знал ли о той секунде? Если знал, почему не ушёл? Если не знал, отчего оказался там, где его ждали?

— Может предполагать, – сказал Андрей. – Знать – другое.

— Ваш знакомый сказал ночью одну вещь. Не о стране. О себе. Сказал, что если придётся выбирать между его жизнью и жизнью другого человека, он уже сделал выбор. Тогда это выглядело красивой фразой. Потом пришло известие о стрельбе.

Андрей смотрел на закрытую папку. Он чувствовал, как холодеют пальцы. Старик не оставил ему объяснения. Не написал в тетради, почему вышел к арке. Не сказал, что ждёт его впереди. А здесь, в чужой комнате, кто-то произносил слова, которые он сам должен был услышать первым.

— Кому он это сказал?

— Никите Сергеевичу.

— При вас?

— При мне.

— И что ему ответили?

Николай Павлович посмотрел на часы над дверью.

— Это я вам расскажу в следующий раз. Если он состоится.

Андрей поднялся. Теперь ему хотелось уйти немедленно. Не потому, что разговор стал опасным, а потому, что продолжать означало бы просить чужого человека объяснить смерть самого близкого и самого непонятного человека в его жизни.

У двери Николай Павлович остановил его.

— Ещё одно. Вы спрашивали, почему вас привезли не на Старую площадь. Не хочу, чтобы вы думали, будто вас прячут от милиции или заманивают в ловушку. Сегодня там слишком много людей. После Пленума все ищут друг друга, все хотят поговорить, все запоминают, кто к кому зашёл. А мне нужно, чтобы вы пока оставались обычным человеком.

— Обычным человеком, которого возят без объяснений в закрытые кабинеты?

— У каждого своё представление об обычной жизни.

— У меня оно другое.

— Вот и берегите его.

Он открыл дверь и позвал сопровождающего. Тот появился почти сразу, словно всё время стоял в коридоре.

— Отвезите Андрея Сергеевича обратно. Завтра с ним свяжутся.

— Где? – спросил Андрей.

— Там, где он сам сочтёт нужным. – Николай Павлович снова посмотрел на него. – И не спешите давать нам то, чего мы не просили. В этой стране слишком много людей пострадало от чужого усердия.

На улице дождь всё-таки начался. Мелкий, холодный, осенний. Машина ждала у тротуара. Андрей сел, и сопровождающий протянул ему сложенный бумажный пакет.

— Это вам передали.

Внутри лежал его пирожок с картошкой. Тот самый, который хозяйка дала утром. Андрей оставил его на столе в комнате ожидания, когда развернул газету. Бумага размокла по краю, пирожок давно остыл.

— Откуда он у вас?

— Женщина на этаже сказала, что вы забыли.

Андрей разломил пирожок пополам и съел, глядя на мокрое стекло. За окнами тянулись дома, вывески, остановки. Он пытался восстановить разговор по фразам, но мысли всё время возвращались к одной: старик заранее говорил о выборе между двумя жизнями. И сделал его.

До Измайлова доехали молча. Машина остановилась не у дома, а у входа в парк, где утром его забрали. Андрей вышел, поблагодарил водителя, хотя тот даже не повернул головы, и пошёл по аллее. Под ногами шуршали мокрые листья.

В комнате всё было на месте. Хозяйка ушла в магазин. На комоде лежала газета, в тазу стояла чистая вода. Андрей достал из-под доски омскую тетрадь, развернул тряпицу и открыл первую страницу. Прочёл оба слова, потом долго смотрел на пустое место ниже.

Он мог бы написать туда третье. Что-нибудь важное. Предупреждение, обещание, дату. Но вдруг понял, что каждое его слово однажды прочтёт Вера Андреевна, если будущее, из

которого он пришёл, сохранится. Прочтёт, не зная, какой ценой оно написано. А может быть, и не прочтёт. Тогда все эти строки останутся просто бумагой.

Он закрыл тетрадь и взял отдельный лист. На нём записал всё, что сумел вспомнить о сегодняшнем разговоре: время, маршрут, приметы здания, вопросы, на которые собеседник не ответил. В конце вывел: «Старик предупреждал Хрущёва не только о сентябре. Есть сведения о 1954 годе. Проверить, что именно было сказано. Не доверять совпадениям».

Он перечитал запись и добавил ниже: «Николай Павлович. Фамилия неизвестна. Возможно, назвался не своим именем».

Часы, которые он выложил на стол, показывали половину первого. Он снова сверил их с репродуктором, когда передали сигнал точного времени. Теперь отставание составило почти пять минут.

Андрей завёл их и вдруг вспомнил последнюю фразу Николая Павловича: «Берегите обычную жизнь».

На кухне хлопнула дверь. Вернулась хозяйка. Она возилась с авоськой, тихо ругала мокрые ступени и звала его обедать. Андрей спрятал лист в книгу, тетрадь убрал обратно под доску и вышел помочь ей поставить кастрюлю на плиту.

За столом хозяйка спросила, удались ли дела.

— Пока не знаю, – сказал Андрей.

Она поставила перед ним тарелку щей.

— Значит, живы будем – разберёмся.

Он взял ложку. За окном снова застучал дождь. Часы, оставленные на столе в комнате, продолжали отставать. Сегодня Андрей решил их не поправлять.

Глава вторая. Человек со Старой площади

I

Москва. 15 сентября 1953 года.

К утру дождь закончился. На подоконнике осталась узкая полоса воды, которую ветер загнал под неплотно закрытую раму. Андрей вытер воду тряпкой, лежавшей возле рамы, и переставил часы подальше от сырости. За ночь они отстали ещё на четыре минуты. Переводить стрелки он не стал. Вместо этого достал вчерашний листок, сравнил две записи и убрал его под зеркальце. Механизм отставал с упрямой точностью. Причина оставалась неизвестной, но Андрей уже знал величину ошибки – а это было хоть что-то.

Сон рвался на короткие, тревожные отрезки. Не сам Николай Павлович мешал ему спать: тот почти ничего не обещал и потому казался понятнее людей, которые спешили заверить в своей помощи. Андрея тревожило другое: незнакомый человек знал о старике то, чего не знал он сам. И держал это знание в папке, всякий раз прикрывая ладонью страницу, когда Андрей пытался разглядеть написанное.

Хозяйка постучала в дверь в половине восьмого.

— Вам звонили.

Андрей сел на кровати. Телефона в доме не было. Ближайший находился в булочной у трамвайной остановки, и хозяйка туда никогда не ходила по чужим поручениям.

— Кто?

— Не звонили, – поправилась она. – Приходили. Я ещё сонная была. Мужчина в пальто. Сказал, чтобы вы не уходили до девяти. Передаст бумаги.

— Какой мужчина?

— С виду служащий. Руки чистые. Ботинки грязные. Значит, шёл пешком, а не на машине. – Она подумала и добавила: – Шапку снял в сенях. Воспитанный.

— Он назвался?

— Фамилию он не назвал. Я не стала выпытывать: порядочный человек, если надо, сам представится.

Хозяйка уже взялась за дверную ручку, когда Андрей спросил:

— Вы ему сказали, где моя комната?

— Я ему сказала, что молодой человек спит и будить его не велено. А ещё, что второй раз пусть приходит после завтрака. Нельзя же к людям в такую рань.

Она вышла с видом человека, отстоявшего важный принцип. Андрей дождался, пока стихнут шаги, достал из книги вчерашнюю запись и перечитал её. Там было всё, кроме главного: фамилии собеседника, его полномочий и того, что старик говорил Хрущёву. На обороте листа появились три вопроса. Андрей перечитал их и перечеркнул только последний – о том, можно ли верить человеку, который отказывается назвать фамилию. На такой вопрос бумага не ответит.

В восемь двадцать семь у ворот остановился мужчина в тёмном плаще. Андрей увидел его из окна. Не вчерашний сопровождающий: этот был ниже, шире в плечах и нёс под мышкой свёрток, обёрнутый серой бумагой. Он прошёл к калитке, посмотрел на номер дома и постучал. Хозяйка открыла не сразу. Из кухни донеслось недовольное «Опять?», затем короткий разговор.

Мужчина вошёл без шапки. На нём был аккуратно застёгнутый пиджак, а на пальцах правой руки – синие следы копировальной бумаги.

— Коржев Андрей Сергеевич?

— Да.

— Мне велено передать материалы. Расписка не требуется.

Он поставил свёрток на стол и остался стоять. Андрей не притронулся к нему.

— Кто велел?

— Мне велели вручить папку лично. Остального не знаю.

— Тогда забирайте. Без имени отправителя я её не приму.

Мужчина посмотрел на часы.

— Я могу забрать. Но у меня ещё два адреса, и возвращаться будет неудобно.

— Неудобно кому?

— Мне придётся ехать обратно. А у начальства появятся вопросы. – Он впервые улыбнулся. – Здесь только копии. Оригиналы никуда не выносили. Мне поручили сказать, что после ознакомления вы вправе изложить замечания письменно. Не позднее завтрашнего вечера.

— Кому адресовать?

— Николаю Павловичу.

— А фамилия?

— Если он сочтёт нужным, сам назовёт.

Андрей развязал бечёвку. Внутри лежала папка из серого картона, тонкая, без грифа секретности. Сверху – машинописный лист с перечнем приложений, ниже – ведомости, выписки из переписки, таблицы. На первой странице красным карандашом было обведено число. Андрей не сразу понял, что его раздражает. Потом увидел: на листе стояла подпись исполнителя, а должность отсутствовала.

— Вы знаете, что здесь? – спросил он.

— Мне знать не положено.

— Но вы читали перечень.

Мужчина опустил глаза на синие пальцы.

— Я скреплял бумаги. Иногда этого достаточно, чтобы испортить человеку настроение.

Уходя, посыльный придержал дверь, чтобы не задеть косяк свёртком, которого уже не было под мышкой. Только у калитки он оглянулся на окно Андрея. Хозяйка выглянула из кухни и, увидев папку, покачала головой.

— Писанины-то. Лучше бы вам настоящую работу дали.

Андрей едва не рассмеялся. За девять лет он успел забыть, что в обычном доме большой государственный секрет выглядит как пачка скучных бумаг.

II

Папка содержала материалы по поставкам оборудования и запасных частей для нескольких предприятий. Часть относилась к Сибири, часть – к центральным областям. Андрей начал с конца, как делал когда-то в университетской библиотеке, когда хотел понять, какой вывод автор пытается навязать читателю. На последнем листе стояло: «Считать сведения требующими дополнительной проверки». Ни подписи, ни даты. Такая формулировка годилась и для настоящей недостачи, и для канцелярской путаницы. Под ней можно было спрятать что угодно, включая нежелание отвечать.

Он разложил бумаги на кровати. Четыре ведомости поступления станков, три письма о задержках вагонов, акт о недостаче подшипников, справка о сверхурочных работах, выписка из протокола производственного совещания. В одном из писем начальник снабжения жаловался, что поставщик выполнил план в денежном выражении, но не обеспечил необходимой номенклатуры. В другом директор просил не включать простой в отчёт за квартал: оборудование имелось, однако не могло работать без мелкой детали, которая по документам числилась в наличии.

Всё это было знакомо Андрею по заводу. Он видел, как люди ночами выправляют цифры, потому что цифра идёт наверх быстрее, чем станок приходит в цех. В его прежней жизни подобное называли иными словами и показывали на цветных диаграммах. Суть не менялась: можно выполнить показатель, не выполнив работу.

Но почему эти бумаги принесли ему?

На третьей ведомости он нашёл знакомую строку: Новосибирск, завод № 179. Не название предприятия – номер. Он прочёл её дважды, проверил месяц. Август 1953 года. Указан объём поставок, который выглядел правдоподобно, пока не сравнишь его с актом на следующем листе. В акте значилось, что часть груза перенаправлена по дополнительному распоряжению. Номер распоряжения был вписан от руки, другим почерком. Самого распоряжения не приложили.

Андрей положил оба листа рядом. Текущих планов завода он не знал. Выдавать себя за снабженца было бы глупо; зато несходящиеся даты и отсутствующие подписи не требовали особого допуска, чтобы их заметить. Если груз перенаправили, кто разрешил? Если разрешили, почему документ отсутствует? Если груз пришёл по другому адресу, где подтверждение получения? И главное: почему из десятков хозяйственных дел ему выбрали именно это?

В конце пачки обнаружилась короткая записка. Без обращения.

«Укажите, какие обстоятельства могли остаться вне приведённых материалов. Особое внимание обратите на различие между фактическим движением имущества и его отражением в отчётности. Не делайте предположений о виновных без подтверждения».

Подписано: «Н. П.».

Он прочёл записку ещё раз. Тон был деловой, даже сухой. Никаких вопросов о будущем. Никаких просьб назвать дату очередного переворота. Ему предлагали разобрать обычное хозяйственное дело.

Андрей взял карандаш и на чистом листе написал: «Что именно проверяется?» Потом перечислил версии. Недостача. Приписка. Хищение. Межведомственный спор. Сокрытие поставки. Проверка его собственной компетентности. Последнюю версию он обвёл дважды. Проверка самого Андрея объясняла и странный подбор листов, и отсутствие документов, без которых вывод выглядел бы убедительным.

Почти сразу он заметил другую странность. Копии были сделаны не в одном месте. На одних листах машинка оставляла чуть поднятую букву «т», на других «р» уходила ниже строки.

Два письма имели одинаковый исходящий номер, но разные даты. Ошибка могла быть канцелярской. Могла быть намеренной. В отличие от подшипников, её нельзя было объяснить задержкой вагона.

Он запретил себе угадывать ответ раньше, чем увидит подтверждение. Взял линейку, провёл на листе три колонки: «Установлено», «Не установлено», «Требует документа». В первую внёс только то, что подтверждалось хотя бы двумя независимыми бумагами. В первой колонке уместилось всего несколько строк. Две другие заняли почти весь лист – неприятное, но полезное соотношение.

За окном хозяйка спорила с соседкой из-за бельевой верёвки. Одна говорила, что её простыню испачкали сажей; другая уверяла, что сажа летит со всех труб одинаково. Андрей прислушался к голосам за окном, затем снова посмотрел на ведомости. В споре о белье обе соседки называли виновницу, но ни одна не могла показать, из какой трубы прилетела сажа. В папке было примерно столько же доказательств.

К полудню он написал три страницы. Не ответ, а перечень того, чего не хватало для ответа. Затем остановился. В записке просили замечания к завтрашнему вечеру, но человек, который дал ему дело, наверняка ожидал не только осторожности. Он хотел увидеть, способен ли Андрей сделать шаг дальше бумаги.

Тогда Андрей вернулся к заводу № 179 и стал вспоминать лица. Не начальников – людей в цехах, с которыми работал. Наладчика, который мог по звуку определить разбитый подшипник. Снабженца, державшего в кармане маленький блокнот с фамилиями вагонных диспетчеров. Мастера, однажды сказавшего: «План у нас государственный, а гайка частная: пока сам не найдёшь, никто не принесёт». В тот день они смеялись. Теперь смех казался преждевременным.

Если кто-то действительно подменял движение оборудования отчётными цифрами, страдать должен был не тот, кто ставил подпись в Москве. Останавливался цех, люди оставались на ночную смену, завод срывал смежные поставки. Ошибка в одной ведомости расходилась по стране, как трещина по стеклу.

На четвёртой странице он впервые записал не вопрос о виновных, а предложение о срочной проверке фактического наличия станков. Пока начальство искало бы виновного, цеху всё равно пришлось бы ждать оборудование.

III

Бережной пришёл без предупреждения, около двух. Анна Фёдоровна узнала его сразу и впустила без расспросов. Андрей услышал знакомый кашель в прихожей и успел прикрыть папку газетой.

— Ты тут поселился надолго? – спросил Бережной, входя. – Или мне снова искать тебя по всей Москве?

— Пока не выселяют.

Бережной снял плащ, повесил его на спинку стула. С июля Бережной будто постарел. Он всё так же замечал в комнате каждую мелочь, но двигался осторожнее, словно не хотел тревожить больное место.

— Был вчера? – спросил он.

— Был.

— Живой вернулся. Уже хорошо.

Андрей убрал газету. Бережной увидел папку и не притронулся к ней.

— Тебе это дали?

— Утром принесли.

— Кто?

— Человек с синими пальцами. Фамилии не назвал.

— Копировщик, значит. Удобная профессия. Ничего не знает, всё держал в руках.

Андрей подвинул к нему лист с вопросами.

— Посмотри.

Бережной не взял.

— Меня просили не вмешиваться.

— Кто просил?

— Люди, у которых сейчас хватает дел. – Он сел и помолчал. – Ты вчера договорился, что мне скажут, если тебя захотят убрать. Я благодарен. Но это не значит, что я должен сидеть над каждым твоим листом. Иначе зачем им ты?

Андрей откинулся на спинку кровати. Андрей ощутил укол обиды и тут же разозлился на себя. Бережной не был обязан превращаться в его секретаря только потому, что однажды помог выжить.

— Ты знаешь Николая Павловича?

— Знаю нескольких. У каждого есть фамилия.

— Тот, что говорил со мной вчера, свою бережёт.

— Тогда береги и ты вопросы, которые задаёшь о нём.

— Старик говорил с Хрущёвым. При Николае Павловиче. Ты знал?

Бережной поднял глаза. Андрей заметил, как на секунду напряглась кожа у его виска.

— Я знал, что старик вошёл в кабинет, – сказал он. – И вышел оттуда другим человеком. Сел в машину, попросил воды. Потом долго смотрел на руки. Мне тогда показалось, что его трясёт от усталости. Теперь думаю – от того, что услышал.

— Он ничего тебе не рассказал?

— Сказал, что человек на той стороне стола не глуп. И что этого недостаточно.

Андрей мысленно повторил последнее слово. «Недостаточно». Что именно Матвеев ожидал услышать от Хрущёва?

— Ты видел бумаги, которые он принёс?

— Только часть. Записку с тремя словами. Сведения по людям. Никакого рассказа о будущем там не было.

— А о чём говорили?

— Я был внизу. Если бы слышал разговор, сказал бы. Не заставляй меня оправдываться за закрытую дверь.

Андрей отвёл глаза. Бережной вытащил папиросу, повертел в пальцах, не закурил.

— Я пришёл не за этим. Вчера Рябов предупредил меня, что тебя будут проверять. Не пугайся: не обязательно так, как проверяли раньше. Могут дать бумагу с ошибкой. Могут попросить сделать вывод, которого из бумаги не следует. Могут подвести человека, который очень хочет услышать нужный ответ.

— Уже дали.

— Вот и хорошо. Значит, ещё не забыли, что ты человек, а не справочник.

— Ты говоришь так, будто это преимущество.

— Пока да.

Бережной наконец закурил, открыв форточку. Дым уходил наружу, но запах оставался в комнате. Он спросил о хозяйке, о еде, о том, не нужен ли Андрею новый костюм. После разговора о Хрущёве вопросы о костюме и еде прозвучали почти нелепо. Бережной, однако, слушал ответы внимательнее, чем прежде.

— Ты сам как? – спросил Андрей.

— Служу.

— Это не ответ.

— Для моей службы другого иногда нет.

Бережной улыбнулся одним углом рта, и Андрей ответил улыбкой. В ней не было ни политики, ни тайны, ни просьбы предсказать завтрашний день.

— А Лучко? – спросил он.

— Пишет. На своей земле, у своих начальников. Живёт, как умеет. Про часы не спрашивал?

Андрей достал их из кармана. Бережной посмотрел на трещину, не протянув руки.

— Завёл.

— Вижу.

— Отстают.

— Они и у Лучко отставали. Он говорил, что так даже лучше: всегда есть повод прийти на службу пораньше.

Они помолчали. В июле Андрей мог бы рассмеяться. Теперь он только провёл пальцем по стеклу.

— Слушай, – сказал Бережной. – Одна вещь. Ты там, наверху, не старайся быть стариком. Его уже нет. И если они зовут тебя потому, что надеются получить второго такого же, это их ошибка. Не твоя.

— А если без него у меня ничего не получится?

— Тогда ты хотя бы будешь знать, что пробовал сам.

Он поднялся, надел плащ и у двери остановился.

— В папке есть новосибирские бумаги?

Андрей задержал руку на дверной ручке.

— Есть.

— Проверь даты. Особенно там, где распоряжение идёт раньше основания для него.

— Ты ведь сказал, что не вмешиваешься.

— Я не вмешиваюсь. Я старый человек и люблю порядок в делопроизводстве.

Бережной вышел. На столе осталась незажжённая папироса. Андрей взял её, уже направился к двери, но остановился и положил рядом с часами.

IV

В три часа Андрей обнаружил, что Бережной был прав.

Распоряжение о перенаправлении груза датировалось двадцать девятым августа. Ведомость, в которой груз впервые появлялся как предназначенный для завода, составили тридцать первого. Подделки это не доказывало: план могли утвердить до оформления ведомости. Но номер распоряжения начинался с букв, которых не было ни в одном другом документе этой группы. Андрей перелистал всю папку. Такой же индекс обнаружился только однажды – в письме, которое вообще не относилось к Новосибирску.

Он поднёс листы к окну. Бумага была разной толщины. На одном копировальный слой давал синеватый оттенок, на другом почти чёрный. Само по себе различие ничего не доказывало. Но кто-то намеренно собрал эти копии в одну папку. Андрей пока не знал, с какой целью.

Андрей записал: «Нельзя считать дату распоряжения доказательством подлога без журнала регистрации». И ниже: «Проверить принадлежность индекса». Потом задумался, зачеркнул вторую строку и написал точнее: «Установить, кто имел право присваивать индекс, и был ли документ зарегистрирован».

Андрей перечитал обе даты. В университетской библиотеке можно было ошибиться в трактовке документа и получить замечание преподавателя. Здесь ошибку могли превратить в обвинение. А если промолчать о настоящей недостаче, завод так и останется без оборудования.

К вечеру он написал заключение на шести страницах. В нём не оказалось ни одной фамилии виновного. Он указал, что имеющихся материалов недостаточно для установления фактического движения груза, перечислил отсутствующие документы и предложил сверить три независимых источника: журналы отправления, железнодорожные накладные и записи приёмки на предприятии. Отдельно отметил риск ошибочного обвинения работников снабжения по неполной переписке.

Закончив, Андрей прочёл всё вслух. Фразы получились сухими, местами казёнными. Он переписал два абзаца. В одном убрал слово «очевидно», потому что ничего очевидного там не было. В другом заменил «допущено нарушение» на «не подтверждено соблюдение порядка». На бумаге разница была почти незаметной. Для работника, которому предстояло объяснять исчезновение вагона, – существенной.

На последней странице он добавил короткое замечание, которого от него не просили: «Если целью проверки является предупреждение остановки производства, установление виновного не может подменять восстановление поставки. Необходимо отдельно определить, где груз находится сейчас и может ли быть доставлен без ожидания окончания служебного разбирательства».

Он отложил карандаш. В комнате стемнело. Хозяйка принесла лампу и поставила на край стола, не спрашивая разрешения.

— Вы весь день над бумагами. Глаза испортите.

— Скоро закончу.

— Все так говорят. А потом очки надевают.

Андрей снова взглянул на последнюю страницу. Главный вопрос там был не о том, кого наказать, а о том, как вернуть груз на завод.

В девятом часу он вышел к булочной, чтобы позвонить Бережному. Передумал у самой двери. Тот уже сделал всё, что счёл нужным. Андрей вернулся домой, положил заключение под папку и лёг. Заснуть удалось только после полуночи.

V

Москва. 16 сентября 1953 года.

На следующий день мужчина с синими пальцами появился в половине одиннадцатого. На этот раз он не снимал плаща и не улыбался.

— Готово?

Андрей протянул папку и заключение.

— Готово. Но в вашем перечне нет двух документов, без которых делать окончательный вывод нельзя.

— Я не составлял перечень.

— Тогда передайте тому, кто составлял.

Мужчина просмотрел количество листов, положил их в свёрток и достал из кармана маленький конверт.

— Вам ответ.

Внутри лежала карточка с адресом и временем: «Сегодня. 17.30». Ни имени, ни печати. Адрес был в центре, неподалёку от места вчерашней встречи.

— Мне туда явиться одному?

— Как пожелаете. Только беседа рассчитана на двоих.

— А если я не приду?

— Тогда никто не сможет сказать, что вы не имели выбора.

Он ушёл. Андрей долго смотрел на карточку. В этой системе даже приглашения составляли так, чтобы никто не отвечал за их смысл.

К пяти он добрался до нужного дома. Улица была оживлённая: мимо шли женщины с сумками, двое школьников толкали велосипед с пробитой шиной, у подъезда грузили в машину деревянные ящики. Ни охраны, ни особых примет. Андрей поднялся на второй этаж, нашёл дверь с табличкой учреждения, название которого ничего ему не говорило, и постучал.

Открыл вчерашний сопровождающий в сером пальто. Сегодня пальто висело у него на руке.

— Вас ждут.

— Николай Павлович?

— Он здесь.

— Теперь можно узнать фамилию?

Мужчина чуть помедлил.

— Не от меня.

В приёмной пахло полированной мебелью и горячим железом от электрического чайника. На столе лежала свежая «Правда». Андрей увидел заголовок о сельском хозяйстве, вспомнил сентябрьский Пленум и невольно задержался. За последние дни газетные страницы заполнили слова о заготовительных ценах, животноводстве, колхозных доходах. Хрущёв вступал в новую должность не с громкого международного заявления, а с обещания накормить страну. В учебнике это занимало несколько страниц. Здесь от этих страниц зависели цены, урожай, закупки, жизнь людей, которые никогда не увидят Москвы.

Дверь кабинета открылась. Николай Павлович вышел сам.

— Проходите, Андрей Сергеевич. Сегодня у нас меньше времени, зато больше ясности.

— Я бы предпочёл наоборот.

— Это бывает редко.

На столе лежало его заключение. Николай Павлович не предложил сесть сразу. Он перелистывал страницы, задерживаясь на подчёркнутых карандашом местах. Андрей увидел, что подчеркнули не выводы, а вопросы.

— Вы никого не обвинили, – сказал хозяин кабинета.

— У меня не было оснований.

— В письмах названы ответственные лица.

— Ответственный за бумагу не обязательно отвечает за то, что с грузом сделали после отправления.

— Но кто-то же должен отвечать.

— Должен. Для этого нужно установить, что произошло.

Николай Павлович положил заключение на стол.

— У нас нередко бывает обратный порядок. Сначала устанавливают, кто отвечает, потом подбирают происшествие. Не всегда по злому умыслу. Иногда так быстрее.

— Быстрее для кого?

— Для того, кто докладывает наверх.

Он показал на кресло. Андрей сел. Теперь ему было легче смотреть на собеседника. Вчера Николай Павлович держал преимущество тайны; сегодня на столе лежала работа, которую можно обсуждать по существу.

— Вы отметили, что распоряжение появилось раньше ведомости, – продолжил Николай Павлович. – Почему не назвали это подлогом?

— Потому что журнал регистрации не приложен. Документ могли составить на основании предварительного решения.

— А если журнала не существует?

— Тогда вопрос, кто имел право отдать распоряжение без регистрации.

— Хорошо. Теперь представьте, что завтра мы пришлём вам журнал. Там будет нужная запись. Послезавтра выяснится, что запись внесли задним числом. Что вы напишете?

— Что документ нельзя считать независимым подтверждением.

— А если его заверят три начальника?

— Их подписи подтвердят, что они его заверили.

Николай Павлович усмехнулся, впервые без усталости.

— Вы неудобный человек.

— Мне казалось, именно таких вы ищете.

— Мы ищем людей, которые понимают, когда можно быть неудобными. С этим у вас пока труднее.

Он взял из ящика стола другой лист. Андрей узнал знакомую строку: завод № 179. Но теперь рядом стояла железнодорожная накладная, которой не было в папке. Дата совпадала с одной из ведомостей. Пункт назначения – нет.

— Вчера вы предположили, что груз мог уйти не туда. Он действительно ушёл не туда. С согласия руководителя, чья подпись стоит на распоряжении. Подпись подлинная. А вот объяснение, зачем это сделано, в деле отсутствует.

— Куда ушёл груз?

Николай Павлович закрыл ладонью часть строки.

— Этого я пока не скажу.

— Тогда я по-прежнему не могу ответить, было ли нарушение.

— Я и не прошу. Меня интересовало, станете ли вы изображать уверенность, когда её нет.

Андрей посмотрел на ладонь, закрывающую адрес. Вчера она закрывала папку. Сегодня – половину накладной. Человек не менял приёмов. Менял только содержание.

— Это проверка? – спросил Андрей.

— Разумеется. Но не только вас.

— Кого ещё?

— Тех, кто готовил дело. В одной папке мы собрали бумаги из разных учреждений. Некоторые из них не должны были противоречить друг другу. Однако противоречат. Мне нужно понять, кто видит это сразу, а кто начинает оправдывать собственное ведомство.

— И каков результат?

— Пока вы единственный, кто спросил, где груз находится сейчас.

Андрей почувствовал, как в нём поднимается недоверие. Похвала в закрытом кабинете часто стоила дороже выговора. За ней следовало поручение, отказаться от которого становилось трудно.

— Что вы хотите от меня?

Николай Павлович отложил лист.

— Сначала я хочу ответить на вопрос, который вы задавали вчера. Моё имя – Николай Павлович Лавров. Я работаю с материалами, поступающими для подготовки решений по нескольким направлениям. Моя должность вам пока не поможет. В удостоверении написано меньше, чем я делаю, и больше, чем мне хотелось бы.

Андрей выслушал без выражения. Фамилия могла быть настоящей. Могла быть временной. Он не стал уточнять.

— Вы присутствовали при разговоре старика с Хрущёвым?

— При части разговора. Не при всём. Я говорил вам правду, но не всю правду. Разница для вас важна, я понимаю.

— Очень.

— Тогда и вы не требуйте от меня того, чего я не знаю. Старик пришёл ночью с определёнными сведениями. Часть мы проверили. Часть проверить невозможно. По одному пункту он отказался объяснить источник. Никита Сергеевич несколько раз спрашивал, откуда у него такая уверенность. Ваш знакомый ответил: «Не из этих бумаг». Больше ничего.

Андрей почувствовал знакомый холод в груди. Старик всегда умел сказать правду так, чтобы она не стала признанием.

— Какие сведения он передал?

— Не все относятся к вам.

— Я не спрашиваю, что вы считаете относящимся ко мне. Я спрашиваю, что он сказал.

Лавров поднялся, подошёл к окну и поправил занавеску. За стеклом мужчина в рабочей куртке катил тележку с ящиками. В кабинете стало тихо. Андрей уже приготовился услышать отказ, но Лавров заговорил.

— Он предупредил, что после победы над Берией опасность не закончится. Что люди, избавившиеся от одного сильного противника, начнут бороться между собой. Что в этой борьбе государственные решения будут использовать как личные аргументы. Никита Сергеевич на это рассердился. Сказал, что без борьбы не бывает политики, а стране сейчас нужен порядок. Ваш знакомый не спорил. Он попросил запомнить: порядок в бумагах ещё не означает порядка в стране.

— И это всё?

— Нет. Он назвал одну дату. Не нынешнего года.

— Какую?

— Спросил, готовы ли мы жить с последствиями решений, которые будут приняты через год. Это был не прогноз, а предупреждение. На мой взгляд, слишком туманное, чтобы строить на нём работу. Но Никита Сергеевич запомнил.

Андрей опустил взгляд. Старик мог знать десятки будущих событий, но говорить о них прямо было опасно. Стоило назвать точную дату – и ему потребовали бы назвать следующую. Стоило ошибиться один раз – и остальные слова превратились бы в ложь. Он выбрал форму, которая ничего не доказывала, но заставляла слушать.

— Вы обещали рассказать, что Хрущёв ответил, когда старик сказал о выборе между двумя жизнями.

Лавров вернулся к столу.

— Я помню разговор не дословно. Никита Сергеевич спросил, почему человек, который столько знает, готов рисковать собой. Старик сказал, что жизнь, которую он прожил, уже не исправить, а чужую ещё можно сохранить. Тогда Хрущёв спросил, не считает ли он себя судьёй над людьми. Старик ответил, что именно поэтому пришёл не с приказом, а с просьбой.

— С какой просьбой?

— Не трогать человека, который придёт после него. Пока тот сам не даст оснований для подозрения.

Андрей долго молчал. Он ждал сведений о тайном поручении, о неизвестном документе, о великом замысле. Старик просил всего лишь оставить его в живых.

— Он назвал моё имя?

— Нет. Сказал, что вы появитесь, если он не вернётся. Мы не знали, кто вы, пока Рябов не привёл ваше имя. – Лавров выдержал паузу. – Я должен был убедиться, что вы не человек, который пытается воспользоваться чужой смертью.

— Убедились?

— Вы не попросили ни должности, ни денег. И не стали обвинять незнакомого снабженца ради хорошего впечатления. Это ещё не доверие. Но начало.

VI

Лавров открыл ящик и достал тонкую тетрадь в тёмной обложке. Не омскую. Обыкновенную конторскую, с пронумерованными страницами. На первой была таблица с тремя графами: «Сведения», «Проверка», «Решение».

— Это не дело на вас, – сказал он, заметив взгляд Андрея. – Это порядок работы. Мы не будем просить вас угадывать будущее. Я вообще не намерен обсуждать, возможно ли такое. У нас хватает бед, которые существуют без всяких чудес.

— Тогда зачем я вам?

— Потому что вы видите последствия там, где другие видят отдельный документ. И потому что старик просил дать вам возможность работать, а не прятаться.

— Он этого просил?

— Да. Но не уточнил, какую именно работу вы должны делать. И это, признаюсь, меня обрадовало. Я не люблю исполнять чужие распоряжения без права думать.

Андрей посмотрел на тетрадь. Ему предлагали роль, которой не существовало в штатном расписании: человек между ведомствами, проверяющий, как бумаги превращаются в решения. В другой стране, в другое время это могло бы показаться полезной профессией. Здесь она означала доступ к чужим ошибкам, а значит, и к чужим врагам.

— Я не сотрудник органов, – сказал он.

— И не станете им только потому, что сидите в этом кабинете. У нас достаточно людей в форме. Не хватает тех, кто способен объяснить, почему три правильных приказа вместе дают неправильный результат.

— Мне нужны границы.

— Сформулируйте.

Андрей не ожидал, что ему позволят это сделать. Он помолчал, выбирая слова.

— Я не подписываю обвинений, если не видел оснований. Не даю заключений по людям на основании слухов. Не участвую в задержаниях и допросах. Если моё замечание используют для решения, которое я считаю ошибочным, мне должны дать возможность письменно возразить.

Лавров слушал без улыбки.

— Вы перечислили то, чего не хотите. А что готовы делать?

— Разбирать материалы. Проверять хронологию, источники, причинные связи. Если нужно – ехать на место и разговаривать с теми, кто знает работу, а не только отчёт.

— А если поездка опасна?

— Тогда сначала объясните, почему она необходима.

— Вы торгуетесь.

— Я выясняю, чем собираюсь заниматься.

Лавров постучал карандашом по столу. Один раз. Потом ещё.

— Первые три условия разумны. С четвёртым труднее. Не всякое решение будет проходить через вас. И далеко не всегда вам позволят узнать, как использовали ваши выводы.

— Тогда я хотя бы оставлю своё мнение в бумагах.

— Это можете делать. Но помните: бумага живёт дольше человека. Иногда это достоинство, иногда беда.

Андрей вспомнил омскую тетрадь. Старик написал несколько строк – и они пережили его смерть, оказавшись в другом времени. Обычные бумаги жили по тем же законам, только без чудес. Их читали люди, которые не знали, что было до них, и принимали написанное за всю правду.

— Я хочу ещё одно условие, – сказал он.

— Слушаю.

— Бережной остаётся вне этого дела. Его не будут делать ответственным за мои ошибки.

Лавров посмотрел на него внимательно.

— За свои ошибки Бережной отвечает сам. За ваши – тоже будете отвечать вы. Но если он станет вашим поручителем, его могут спросить, почему он вас рекомендовал. Этого я отменить не могу.

— Он меня не рекомендовал.

— Я знаю. Именно поэтому и говорю прямо.

Лавров закрыл тетрадь.

— Завтра вам принесут ещё один пакет. Там будет не одна история, а три. Они связаны между собой, хотя на первый взгляд этого не видно. Не торопитесь искать преступление. Попробуйте установить, кто принимал решения и на основании чего.

— Почему три?

— Потому что одно дело всегда можно объяснить случайностью.

Он поднялся. Встреча явно закончилась, но Андрей не встал.

— Вы так и не сказали, почему начали с завода № 179.

Лавров задержался у стола. На лице его не осталось прежней учтивости.

— Потому что вы там работали. И потому что я хотел увидеть, будете ли вы защищать знакомых людей, даже если документы говорят против них.

— Документы ничего против них не говорили.

— Вот это и был правильный ответ.

— А если бы говорили?

— Тогда я надеялся бы, что вы не станете их защищать только из благодарности.

Андрей кивнул. Он не знал, понравился ли ему этот человек. Но впервые понял, что Лавров не просто охраняет чужую тайну. Он сам пытается разобраться в системе, где слишком многие решения принимаются по привычке.

У двери Андрей обернулся.

— Один вопрос. Вы верите старику?

Лавров закрыл папку, прежде чем заговорить.

— Я видел, как он вошёл в кабинет. С трудом поднимался по лестнице, хотя там есть лифт. Не просил воды, пока не вышел. Держался так, будто от этого разговора зависит что-то большее, чем его жизнь. Я не знаю, откуда у него были сведения. И не знаю, всё ли он сказал. Но человек, который хочет обмануть ради выгоды, обычно старается получить её при жизни. Ваш знакомый не взял ничего.

— Он не успел.

— Возможно. – Лавров помолчал. – Только в одном я уверен: он очень боялся, что вы станете похожи на него.

Андрей вышел, не попрощавшись. Не из грубости. Ему нужно было успеть до того, как лицо выдаст, насколько сильно задели последние слова.

VII

На улице вечерний город жил обычной жизнью. У булочной стояла очередь, на остановке женщина уговаривала ребёнка не садиться на мокрую скамейку, из открытого окна второго этажа доносилась музыка. Андрей шёл медленно, не выбирая дороги. Он мог бы вернуться к Лаврову и потребовать объяснений. Но знал, что услышит: старик говорил о вас. Старик беспокоился. Старик что-то предвидел. Всё это были слова человека, которого уже нельзя спросить.

В его памяти старик оставался не всезнающим существом, а усталым человеком с потёртыми часами. В Новосибирске он держал дистанцию, потому что приближение могло убить их обоих. В Москве заслонил Андрея от пули. Теперь выяснялось, что между этими двумя событиями успел попросить за него у одного из самых влиятельных людей страны.

Андрей остановился у витрины магазина. В стекле отражался молодой мужчина в плаще. Двадцать семь лет, чужая фамилия, документы, которые ещё недавно могли не выдержать серьёзной проверки. Он смотрел на себя и пытался представить, каким был бы в сто лет. Не получалось. Между ним и стариком лежали семь десятилетий, которых он не прожил, и всё же старик успел оставить ему не только часы и тетрадь. Оставил право отказаться.

В стекле трамвайной остановки мелькнуло его отражение. Андрей поправил воротник и впервые за утро перестал искать в нём черты старика.

На остановке подошёл трамвай. Андрей сел у окна. В вагоне пахло мокрыми пальто, железом и чьим-то табаком. Двое мужчин спорили о газетной статье. Один говорил, что деревне давно пора помочь, другой отвечал, что обещания печатают быстро, а трактор за день не сделаешь. Андрей слушал и думал о сентябрьском Пленуме. В 2026 году он знал его как исторический факт. Теперь понимал, что для людей в вагоне это было не прошлое и не политика на бумаге. От решений в Москве зависело, станет ли дешевле хлеб, хватит ли кормов на зиму, получит ли завод новые машины.

Трамвай остановился. Андрей вышел раньше нужного места и прошёл остаток дороги пешком. У дома хозяйка стояла на крыльце и пыталась прибить отставшую доску. Молоток был слишком тяжёлым для её руки.

— Давайте, – сказал Андрей.

— Я сама.

— Вижу. Поэтому и предлагаю.

Она отдала молоток не сразу. Андрей присел, вытащил кривой гвоздь и попросил другой. Хозяйка принесла из кухни жестяную банку, где хранились гвозди, пуговицы и обломки ключей. Он выбрал подходящий, поставил доску на место и прибил двумя ударами.

— Вот теперь держится, – сказала она.

— Пока держится.

— У вас всё «пока». Молодой ещё, а говорите как старик.

Он замер с молотком в руке. Хозяйка ничего не заметила. Забрала банку и ушла в дом.

Андрей остался на крыльце. Под ногами была новая доска, простая и крепкая. Для неё не требовалось знать будущего. Нужно было только увидеть, где она отстала, подобрать гвоздь и ударить как следует.

В комнате он открыл чистую тетрадь, которую купил по дороге. На первой странице написал дату: «16 сентября 1953 года». Ниже – «Материалы Лаврова». Он хотел добавить «служебные», но не стал. Никакой службы у него пока не было.

Следующая строка появилась не сразу.

«Не подменять факты памятью».

Он перечитал её и усмехнулся. Историк, которому память о будущем когда-то спасла жизнь, теперь запрещал себе доверять памяти. Мир становился всё интереснее. И всё опаснее.

Он открыл окно. С улицы тянуло сыростью. Где-то далеко гудел поезд. На столе тикали часы Лучко. Андрей взглянул на них и увидел, что за день они отстали ещё на несколько минут.

На этот раз он перевёл стрелки.

VIII

Москва. 17 сентября 1953 года.

Пакет принесли на следующий день, когда Андрей собирался выйти за хлебом. Посыльный был новый, совсем молодой, с красными от холода ушами. Он протянул плотный конверт и попросил не расписываться. Андрей заметил, что на конверте нет ни имени, ни адреса. Человек, доставивший его, мог потом уверять, что никогда здесь не был.

Внутри лежали три дела, каждое на нескольких листах. Первое касалось поставок оборудования в Сибирь. Второе – распределения топлива для железнодорожных перевозок. Третье – небольшого учреждения, которому неожиданно выделили дополнительные средства на ремонт и расширение помещений. Ни названия учреждения, ни его точного адреса не было; только ведомственная принадлежность и смета.

На первый взгляд дела действительно не связывались. Разные отрасли, разные исполнители, разные города. Андрей разложил листы на столе и начал привычную работу. Даты, подписи, основания. В первом деле он обнаружил распоряжение, на которое ссылались ещё вчера. Во втором – номер эшелона, совпадающий с железнодорожной накладной. В третьем – смету на оборудование, которого учреждение, судя по своему назначению, не могло использовать.

Он остановился. Снова проверил номера. Совпадение было не буквальным: в одном месте цифру перепечатали, в другом исправили карандашом. Но последовательность сохранялась. Груз, который по отчёту предназначался заводу, фактически мог уйти в другое место. Для его перевозки потребовалось топливо, оформленное как отдельная потребность. А получатель провёл оборудование по смете ремонта.

Всё выглядело как способ спрятать одну поставку внутри трёх обычных хозяйственных операций. Но спрятать – от кого? И зачем?

Андрей взял лист с третьим делом и долго смотрел на подпись. Фамилия была незнакомая. Должность – начальник хозяйственного управления. Он мог оказаться мошенником, мог выполнять приказ, мог даже не знать, что подписывает. Виновного по-прежнему не было.

Зато появился маршрут.

Он начертил на листе три прямоугольника и соединил их стрелками. У каждой стрелки поставил дату. Затем добавил четвёртый прямоугольник – пустой. Туда должен был прийти груз. И пока он не узнает, что находится в этом последнем пункте, все рассуждения останутся красивой схемой.

Андрей уже собирался убрать бумаги, когда заметил на обороте сметы машинописную помету: «Срок исполнения уточнить до 1 октября». Дата стояла будущая. Вчера он думал о прошлом распоряжении, сегодня перед ним был приказ, который ещё предстояло выполнить.

Он проверил смету. Работы в учреждении должны были начаться только в ноябре. Оборудование требовалось раньше, чем появится помещение для его установки. Значит, оно предназначалось не для ремонта. Либо ремонт был прикрытием.

Андрей встал, подошёл к окну. На дворе хозяйка развешивала бельё. Две простыни хлопали на ветру. Он вспомнил вчерашний спор соседок о саже и трубе. Теперь труба была перед ним, но он ещё не знал, что из неё выходит.

На последнем листе лежала короткая справка с фамилией ответственного за согласование. Андрей прочёл её один раз, затем второй. Фамилия ничего ему не говорила. Зато рядом была помета: «Материалы доложены в июле».

Июль. Тот самый месяц, когда старик пришёл на Старую площадь. Когда Тимур погиб у арки. Когда Бережной пытался удержать в руках сразу несколько жизней.

Андрей осторожно положил справку поверх остальных листов. Он не знал, связано ли это с историей старика. Но понял, что спрашивать Лаврова о будущем пока рано. Сначала следовало выяснить, что сделали люди, которые распоряжались настоящим.

Он достал чистый лист и написал только одну фразу:

«Прошу сообщить конечного получателя груза и основание для изменения назначения».

Потом поставил дату и подпись: «А. С. Коржев».

Он посмотрел на неё. Чужая фамилия давно стала привычной. Сегодня впервые показалось, что она действительно принадлежит ему.

Из письма

Вечером Андрей сел за стол и достал лист тонкой почтовой бумаги. Он давно собирался написать в Новосибирск, но каждый раз находил причину отложить письмо. Там оставались люди, для которых Андрей Сергеевич Коржев был не участником секретных разговоров, а человеком, которого ждали к ужину, которому могли поручить покупку керосина и которому прощали неловкое молчание. Он начал с простого: «У меня всё в порядке». Посмотрел на строку и перечеркнул её. Это было неправдой, хотя объяснить почему он не мог.

Он написал о московской осени, о комнате с печкой, о хозяйке, которая ругает его за забытые мелочи. Ни слова о Рябове, о Старой площади, о старике. Потом остановился над фразой «Скоро приеду». Дату он назвать не мог. Вырвал лист и начал заново. На этот раз пообещал только написать ещё. Письмо вышло коротким, но хотя бы не притворялось тем, чем не было.

На почте он долго держал конверт в руке. На обратной стороне не было адреса отправителя: писать адрес Анны Фёдоровны он не решился. Почтовая служащая протянула ладонь за письмом, и Андрей отдал его прежде, чем успел снова передумать.

Вечером Лавров получил телефонный звонок, которого ждал с утра. Собеседник не назвал себя; в этом не было необходимости. Николай Павлович выслушал несколько коротких вопросов и сообщил, что молодой Коржев разбирает хозяйственные документы, не проявляет интереса к должностям и не требует встречи с первым лицом.

— Он назвал виновного? – спросили на другом конце.

— Нет. Пока ищет, существовал ли сам предмет нарушения.

После паузы собеседник произнёс:

— Это хорошо. Нам сейчас слишком многие приносят фамилии. Бумаги приносят реже.

Связь оборвалась. Лавров положил трубку и почувствовал раздражение. О Коржеве спрашивали так, будто речь шла о новом приборе, который надо испытать, прежде чем запускать в работу. Старик, напротив, в июле говорил о нём как о человеке, который имеет право отказаться. Лавров придвинул к себе папку и на отдельном листе написал: «Согласие Коржева на дальнейшее участие – выяснить лично».

На столе лежала папка с хозяйственной подборкой. Он открыл её на листе, где были указаны три несовпадающих номера. В канцелярии подобные несоответствия случались десятками. Но эти копии попали к нему не по обычному маршруту. Кто-то приложил их к июльскому запросу, а затем убрал сопроводительный лист. Лавров знал фамилию последнего исполнителя, но не знал, кто дал ему указание. Если Коржев пойдёт по ложной связи между номерами, дело быстро закончится. Если заметит отсутствие источника – придётся решать, что открывать ему дальше.

* * *

Уже на улице Андрей остановился у почтового ящика, в который опустил письмо. Ему захотелось вернуться и вытащить конверт, пока никто не видел. Он обещал написать снова, но не объяснил, почему не может приехать. За этой недоговорённостью скрывалась не только тайна службы. В Новосибирске были люди, для которых прошлое не менялось вместе с его планами. Они имели право ждать, сердиться, спрашивать, когда он вернётся. У него не было права считать их менее важными только потому, что на Старой площади о нём знали.

В металлическом ящике шуршали опускаемые прохожими конверты. Андрей постоял ещё немного, затем поправил воротник и пошёл прочь. У первого перекрёстка он обернулся, хотя почтового ящика оттуда уже не было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.